

Н.Н. Воропаев

**Китай:
имена на все времена**

Прецедентные персонажи

**Лингвокультурологический словарь-справочник
для изучающих китайский язык, культуру, историю,
литературу Китая**

Вспомогательное пособие для курсов

«История Китая»

«Литература Китая»

«Страноведение Китая»

«Стилистика китайского языка»

«Лексикология китайского языка»

**Рекомендуется для интерактивной работы в среде
Интернет и с прочими источниками**

Издательство ВКН

Москва

2015

Аннотация

В настоящем словаре-справочнике представлена информация о прецедентных, то есть широко известных в Китае персонажах, имена которых способны использоваться в языке как имена нарицательные и являются символами. Такие имена в современной лингвистике принято называть прецедентными именами. Составление данного словаря является попыткой сформировать базовый арсенал прецедентных персонажей (имён) китайскоязычного культурного пространства и знаний о них для обеспечения минимальной лингвокультурной компетенции изучающих китайский язык и интересующихся Китаем россиян.

В общей сложности корпус словаря включает в себя более 600 языковых единиц, представляющих собой имена исторических личностей и литературных персонажей и связанные с ними фразеологизмы и словесные клише, которые активно используются в современном китайском лингвокультурном сообществе. В словаре также представлен обширный блок прецедентных имен и высказываний иностранного происхождения.

Настоящий словарь-справочник благодаря представленной в авторском предисловии технологии лингвокогнитивной директории также может быть использован как интерактивное вспомогательное учебное пособие по таким курсам вузов, как «История Китая», «Литература Китая», «Страноведение Китая», «Стилистика китайского языка», «Лексикология китайского языка», и прочим аспектам изучения китайского языка и Китая.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой нашего соседа.

Предисловие

В настоящем словаре-справочнике представлена информация о прецедентных, то есть широко известных в Китае персонажах, имена которых способны использоваться в языке как имена нарицательные и являются символами. Такие имена в современной лингвистике принято называть прецедентными именами. Составление данного словаря является попыткой сформировать базовый арсенал прецедентных персонажей (имён) китайскоязычного культурного пространства и знаний о них для обеспечения минимальной лингвокультурной компетенции изучающих китайский язык и интересующихся Китаем россиян.

Прецедентным именем является «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией» [Красных 2003: 197, Гудков 2003: 108].

Уточняя данное определение применительно к нашему словарю, прецедентными именами китайскоязычного культурного пространства являются когнитивно и эмоционально значимые для всех социализированных носителей китайского языка индивидуальные имена и наименования широко известных в китайском лингвокультурном сообществе исторических и вымышленных личностей, событий и объектов материальной и духовной культуры Китая и всего глобального пространства.

Прецедентные имена выражают ценностные ориентации лингвокультурного сообщества, входят в его языковой фонд, что отражается в различных словарях. Запас прецедентных имен китайскоязычного культурного пространства представляет собою ярко маркированную стилистически, эстетически, культурологически, социально, идеологически подсистему языковой картины мира носителя китайского языка.

Прецедентные имена (ПИ) – один из четырёх прецедентных феноменов (ПФ), которые выделяют Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко и другие исследователи. Кроме ПИ, к ПФ относят прецедентные тексты (ПТ), прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные высказывания (ПВ). Все прецедентные феномены взаимосвязаны и актуализируют друг друга.

Прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке, и хранятся в ней в виде национально детерминированных минимизированных представлений. По степени их известности ПФ делятся на универсально-прецедентные, известные любому современному индивиду, социумно-прецедентные, которые известны любому среднему представителю того или иного социума, а также национально-прецедентные, которые известны любому представителю определенного национально-лингвокультурного сообщества.

Для анализа прецедентных персонажей и имён китайскоязычного дискурса целесообразно выделять следующие четыре типа прецедентных имен: 1. прецедентное имя-антропоним (широко известное имя человека или человекоподобного существа, условно ПИ₁), 2. прецедентное имя-эвентоним

(широко известное наименование исторического и вымышленного события, представляющее собой фразеологизм или словесное клише, условно ПИ₂), 3. прецедентное имя-хремотоним (широко известное индивидуальное наименование объекта материальной культуры Китая, условно ПИ₃), 4. прецедентное имя-идеоним (широко известное индивидуальное наименование объекта духовной культуры Китая, условно ПИ₄) [Воропаев 2012].

Словарь состоит из трёх разделов. Далее кратко о каждом разделе в отдельности.

О разделе I.

В этом разделе представлены самые сильные персонажи, имена которых стали именами нарицательными и известны всем социализированным китайцам. Это национально-прецедентные имена. Эти имена, можно сказать, формируют базовый арсенал прецедентных имён – носителей ядерных национально-культурных концептов китайского лингвокультурного сообщества.

Такие базовые национально-прецедентные имена китайскоязычного культурного пространства в процессе межкультурной коммуникации зачастую становятся камнем преткновения. В силу длительной истории Китая и литературной традиции в китайской культуре сформировался огромный конгломерат прецедентных текстов и прецедентных ситуаций, имеющих обширнейшую аккредитацию в современном китайском языке в виде разного рода фразеологизмов, имён, высказываний и т. п. Многие прецедентные имена китайскоязычного культурного пространства имеют историю употребления длительностью несколько сотен лет, а некоторые более двух тысяч лет, и, превратившись в символы, стали единицами словаря как имена нарицательные.

Общепризнанным можно назвать в настоящее время положение о том, что владение собственно вербальным кодом того или иного языка, правилами его использования не является достаточным условием успешной межкультурной коммуникации. Овладение основами социокультурного кода того сообщества, на языке которого происходит общение, является тем звеном, отсутствие которого нередко порождает коммуникативные неудачи.

Экспрессивность и образность прецедентных имен, большая сила эмоционального воздействия, способность ярко и сжато выразить мысль, метко и кратко охарактеризовать сложные явления обуславливают успешное использование таких имен и в разговорной речи, и в литературных произведениях, и в прессе.

«Переходя в язык как систему знаков, имя собственное должно обрести некоторую долю интеллектуальной информации, которая бы позволила установить его связь с логико-предметными рядами, без чего оно не может функционировать в системе. Такая информация имеется, например, у имён всемирно известных объектов, что делает возможным включение их в

сообщение на правах семантически значимых, а не только номинативных слов» [Суперанская 1978: 7].

Анализируя литературу по проблемам прецедентных имен, можно заметить, что основным предметом исследования прецедентного имени является феномен имени собственного в его противопоставлении имени нарицательному. Исследователи обычно рассматривают имя собственное в его многообразных коммуникативных модификациях, результатом которых может быть превращение в прецедентное имя, сохраняющее многие признаки имени собственного и вместе с тем в той или иной степени приближающееся к имени нарицательному. Таким образом, основной акцент в феномене прецедентного имени многие исследователи делают на способности имени собственного употребляться для характеристики, то есть в качестве имени нарицательного. При таком подходе на первый план выходят такой стилистический троп, как антономасия, аналогом которого в китайской стилистике является приём 公名化 gongminghua 'превращение имени собственного в имя нарицательное' [Wang 1987: 58].

Полагаем, что теория прецедентности даёт более широкий инструментарий для анализа данного феномена. Во многом, как мы полагаем, такое узкое понимание феномена прецедентного имени создаёт сам термин «прецедентный». Согласно «Большому энциклопедическому словарю», прецедент – это «...1) случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода; 2) юриспруденция: решение суда или какого-либо другого государственного органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при решении аналогичных дел в последующем» [БЭС 1998: 957].

Из этого определения следует, что прецедент представляет собой некий факт, который обладает «образцовостью», служит эталоном, примером, и на его основе можно моделировать последующие действия. Термин «прецедентность» характерен для исследований на русском языке; этот термин и его дериваты относятся к числу наиболее активно употребляемых в последнее время в теоретической и прикладной лингвистике. Но до сегодняшнего дня не получил осмысления сам феномен прецедентности. О том, что такое прецедентность, высказывались разные мнения. Различия связаны, прежде всего, со «степенью» (в других терминах – «глубиной») прецедентности [Васильева 2006, Воропаев 2012, Галеева 2006, Гудков 1998, Гудков 2000, Гудков 2004, Джанаева 2008, Карасик 2003, Красных 1997, Красных 2000, Красных 2005].

Однако хотелось бы обратить внимание на то, что явление прецедентности в нашем понимании не исчерпывается только лишь тем, что индивидуальное имя или наименование какого-либо явления, ситуации, предмета, человека используются для прямого обозначения другого явления, ситуации, предмета, человека на основе какого-либо сходства. В настоящем словаре прецедентное имя рассматривается как культурный знак, который вызывает в человеке определённые эмоции, воспоминания, ассоциации, активизирует определённые речевые и языковые единицы,

энциклопедическую информацию не только при употреблении имени для характеристики, но и в случаях его использования для наименования первичного носителя данного имени.

Таким образом, к прецедентным именам китайскоязычного культурного пространства следует относить все широко известные в китайском лингвокультурном сообществе индивидуальные онимы, которые используются в китайскоязычном дискурсе не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа и актуализатора определённых качеств, событий, судеб. Здесь следует сделать акцент на компоненте «широко известные». В настоящей работе рассматриваются прецедентные имена китайскоязычного культурного пространства, которые известны каждому социализированному члену китайского лингвокультурного сообщества. И компонент «прецедентный» здесь также следует понимать как *отсылающий к известному единичному референту, информация, знания о котором (качества которого) оказывают влияние на сознание членов лингвокультурного сообщества, вызывают определённые эмоции и побуждают их, или повторять поведенческие схемы референта прецедентного имени, одобрять их или наоборот, стараться не действовать как референт прецедентного имени, не одобрять его*. Таким образом, при такой интерпретации компонента «прецедентный» актуальным в некоторой степени остаётся первоначальное значение этого слова, принятое в юридической науке.

Другая особенность феномена прецедентного имени ещё в том, что при восприятии информации о чём-либо уже известном, знакомом, человек испытывает определённый психологический комфорт, и наоборот, незнакомые личности, неизвестные имена, как правило, не привлекают внимания людей, восприятие новой информации требует психофизических усилий, что приводит к дискомфорту. Это очень ярко проявляется в поведении детей. Они очень чутко относятся к изначальному каноническому варианту пересказа сказки или произнесения какого-либо слова и всегда выражают недовольство и поправляют, если в привычном изложении сказки вдруг возникают изменения. Таким образом, став однажды известным, какое-либо имя и его референт при соответствующих условиях и потребностях общества имеют все шансы только усиливать свою прецедентность.

Следует отметить, что данным пластом лексики китайского языка занимался В.М. Алексеев. В его работах можно найти интереснейшие сведения о таких персонажах народной мифологии, как бог литературы *Вэнь-чан*, бог войны и одновременно бог богатства и покровитель торговцев *Гуань-ди*, бог богатства *Цай-шэнь*, бог очага *Цзао-ван*, бог лекарств и покровитель медиков *Яо-ван*, повелитель бесов *Чжун Куи* и других [Алексеев 1972 по Рифтин 1983: 69].

Благодаря длительной истории непрерывного развития китайской письменности, в китайском культурном пространстве сформировался особый феномен лингвоцентричности, феномен особого отношения к языку как

хранителю исконных ценностей китайской нации. «Китайские правители всегда уделяли первостепенное внимание языковым вопросам и поощряли филологические исследования. Чиновник в традиционном Китае – это просвещённый человек, хорошо знающий классические тексты и умеющий сочинять стихи» [Завьялова 2009: «Независимая газета» от 28.01.2009].

Как писал в разное время В.М. Алексеев, «китайская история, изложенная самими китайцами в количестве томов, совершенно пропорциональном количеству прожитых ими в непрерывном культурном потоке лет, остаётся базой всех исторических исследований» [Алексеев 1972 по Смолин 1983: 97]. По справедливому замечанию Г.Г. Слышкина, «историческое знание составляет важный элемент не только культуры, но и лингвокультуры, получая языковую реализацию в виде исторических метафор, цитат и аллюзий» [Слышкин 2007: 82].

Благодаря этому феномену лингвоцентричности, феномену активного непрерывного наполнения китайскоязычного дискурса различными единицами языка, выражающими прецедентные феномены, специфичным для китайскоязычного дискурса является то, что уже на самом раннем этапе освоения китайского языка возникает множество слов, выражений и имён, за которыми стоят конкретные исторические личности или события, произведения литературы, философские воззрения, сохраняющие свою актуальность в китайском лингвокультурном сообществе посредством активной циркуляции этих языковых единиц в дискурсе.

Как писал Л.Н. Меньшиков, «великий российский китаист В.М. Алексеев, будучи в 1906-1909 гг. в Китае, учился читать и понимать сложные китайские тексты с помощью китайских учителей-сяньшэнов. Он любил именно сложные тексты, над которыми надо было посидеть и подумать, в которые необходимо вникнуть, – тексты простые, понятные с первого чтения, не давали основы для углублённого исследования. Итак, В.М. Алексеев, тогда начинающий учёный, нередко сталкивался с хорошо известным каждому китаисту случаем, выражаемым формулой «иероглифы все знаю, понять ничего не могу». Толкование *сяньшэна* оказывалось неожиданным. Ученик обращал внимание *сяньшэна* на то, что даже авторитетный словарь «Канси цзыдянь» таких значений не приводит, на что *сяньшэн* отвечал: «Я сам себе словарь». И в качестве доказательства своей позиции приводил тексты, намёк на которые заключался в разбираемой цитате. Как источник для анализа таких намёков был назван словарь XVIII в. «Пэй вэнь юнь фу» (перевод В.М. Алексеева: «Конкорданс рифм изящной литературы»). В нём было собрано более миллиона иероглифических сочетаний без истолкования их, но зато с приведением контекстов, где эти сочетания содержатся. Вдумчивому читателю этих контекстов этого было достаточно для восстановления истории зарождения и бытования тех или иных фразеологизмов, в неисчислимом множестве встречающихся в китайской литературе всех направлений. Обилие намёков, реминисценций, имён исторических и литературных, приобретших нарицательный смысл, ставит

нередко непреодолимые препятствия для неискущённого ума к точному пониманию текстов» [Меньшиков 1983: 34-35].

Итак, Раздел I знакомит читателя с национально-прецедентными именами, которые определяют этнокультурную специфику, отражают историю и культуру народа, национальный характер. Прецедентными в каждом обществе становятся только те феномены, которые соответствуют его нравственным ценностям, мироощущению, мировосприятию и мировоззрению.

Раздел I составлен на основе данных словаря китайской исследовательницы Чэнь Сяньчунь «Прецедентные персонажи и события в китайской культуре» [Chen 1999].

Здесь хотелось бы коротко сказать о происхождении прецедентных имён китайскоязычного культурного пространства.

К числу источников происхождения национально-прецедентных имён в китайскоязычном дискурсе относятся мифология, исторические события, художественная литература, фольклор, театр, общественная и политическая жизнь китайского культурного пространства и прочее.

Многие имена, став прецедентными, знаковыми, начинают всё чаще в дискурсе использоваться для характеристики и для многих из них такие употребления становятся преимущественными на весьма продолжительное время. Примерами таких имён являются имена прецедентных персонажей, которые представлены в Разделе I.

Некоторые имена через какое-то время утрачивают способность использоваться для характеристики и остаются или просто известными именами, когнитивно значимыми для социализированных членов китайского лингвокультурного сообщества, или же в силу разных причин становятся неизвестными большинству китайцев именами собственными, которые интересны лишь узким специалистам.

Судьба имён исторических личностей является чрезвычайно интересной в исследовательском плане: зачастую отношение к их референтам менялось на протяжении исторического процесса и те качества, которые приписываются им сейчас и имеют положительную оценку потомков, негативно воспринимались современниками и наоборот. Примерами здесь могут служить имена практически всех крупных государственных деятелей, а также фигур, так или иначе, повлиявших на ход истории Китая: *Цинь Шихуан*, *Цао Цао* и многие другие.

Литературоцентричность китайскоязычного культурного пространства явно проявляется при рассмотрении источников происхождения прецедентных имен китайскоязычного культурного пространства. Например, из шестидесяти трёх персонажей (имен), описанных в первом разделе словаря Чэнь Сяньчунь, пятьдесят девять имён возникли или закрепились как прецедентные имена в каких-либо текстах. И только четыре персонажа (имени) не фиксированы стабильно в литературных произведениях или исторических хрониках как центральные персонажи описаний: Пастух и Ткачиха, Лэй Фэн и Лу Бань. Однако и здесь следует отметить, что, например,

прецедентные имена Пастух и Ткачиха (современные китайцы называют Пастухом и Ткачихой супругов, которые вынуждены жить отдельно в разных местах вдали друг от друга) постоянно использовалось в китайской литературе. Прецедентное имя Лэй Фэн возникло сравнительно недавно, и его референт является реальной исторической личностью. Прецедентное имя Лу Бань (референт – историческая личность, выдающийся мастер строительного дела Древнего Китая) настолько популярно в китайскоязычном культурном пространстве на протяжении веков, что сейчас уже превратилось в символ высшего качества (часто в строительной индустрии).

Особенно плодовитыми на прецедентные имена являются известные классические романы – прецедентные тексты китайскоязычного культурного пространства «Троецарствие», «Речные заводы», «Путешествие на Запад» и «Сон в красном тереме».

В связи с этим показательна юмористическая заметка, которая была опубликована в популярном периодическом издании любителей китайского языка «咬文嚼字» Yao wen jiao zi ‘Буквояд’ [Yao wen jiao zi 2000: 4-1].

诗坛新秀

在某书店，见到一本《中国诗词实用大百科》。这其实是本古代诗词选集。浏览目录，除了屈原、李白、杜甫、白居易、苏轼、陆游、辛弃疾等人之外，还有两位文学史上从未介绍过的诗人：贾宝玉和林黛玉。这两位诗坛新秀的作品，原来都来自，《红楼梦》。我想，若曹雪芹先生读到这本“大百科”，一定会大声疾呼：“还我版权！”

Shi tan xin xiu

Zai mou shudian, jiandao yi ben “Zhongguo shici shiyong dabaike”. Zhe qishi shi ben gudai shici xuanji. Liulan mulu, chule Qu Yuan, Li Bai, Du Fu, Bai Juyi, Su Shi, Lu You, Xin Qiji deng ren zhi wai, hai you liang wei wenxue shi shang cong wei jieshaoguo de shiren: Jia Baoyu he Lin Daiyu. Zhe liang wei shi tan xin xiu de zuopin, yuanlai dou lai zi “Hong lou meng”. Wo xiang, ruo Cao Xueqin xiansheng dudao zhe ben “dabaike”, yiding hui dasheng jihu: “huan wo banquan!”

Новые корифеи поэтического олимпа

В одном книжном магазине увидела «Практическую энциклопедию китайской поэзии». Это действительно был сборник древней поэзии. Пробежав глазами по оглавлению, заметила, что кроме Цюй Юаня, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Су Ши, Лу Ю, Синь Цицзи и других есть два имени, которые никогда в истории литературы не описывались: эти имена Цзя Баоюй и Линь Дайюй. Оказалось, что произведения этих новых корифеев мира литературы родом из романа «Сон в красном тереме». Я думаю, что если бы Цао

Сюэцинь увидел эту «Энциклопедию», то наверняка бы закричал: «Верните мне моё авторское право!»

Хотя описанная в этой заметке ситуация и является выдумкой, но она показательна тем, что в китайскоязычном культурном пространстве многие прецедентные имена сформировались и окрепли как прецедентные имена, именно опираясь на две основы: реальную историческую и литературную. В этой заметке автор ставит в один ряд имена *Цзя Баоюй* и *Линь Дайюй*, то есть имена выдуманных персонажей прецедентного текста «*Сон в красном тереме*», с именами известнейших поэтов Китая, которые являются реальными историческими личностями.

Итак, следует иметь в виду, что в китайскоязычном культурном пространстве имеется определённое количество прецедентных имен, референты которых являются одновременно реальными историческими лицами (событиями, если говорить о именах-эвентонимах) и литературными персонажами (эпизодами, если говорить о именах-эвентонимах). Очень часто дифференциальные признаки таких референтов в структуре представления прецедентного имени сливаются в одно целое, вследствие чего возникают условия возникновения разного рода неоднозначных суждений о референтах прецедентных имен – реальных исторических личностях (событиях) или вымышленных персонажах (ситуациях). И в таких случаях использование прецедентного имени уже не вызывает улыбку, как в вышеприведённом примере с именами *Цзя Баоюй* и *Линь Дайюй*. Ярким примером этому может служить ситуация с именем *Цао Цао*. Даже в самом Китае относительно этого исторического деятеля нет единого мнения о том, плохим он был человеком или хорошим. Дело в том, что как реальный исторический политический деятель он был талантлив и действовал в интересах государства. Но автор прецедентного текста романа «*Троецарствия*» Ло Гуаньчжун намеренно наделил *Цао Цао* как одного из героев романа многими отрицательными качествами, которые очень ярко и образно представлены в многочисленных вымышленных прецедентных ситуациях, описанных в романе. Именно эти ситуации и эпизоды романа и сформировали современный инвариант восприятия имени *Цао Цао* – «*коварный человек*», часто используемый для характеристики.

Поэтому использование прецедентных имен китайскоязычного культурного пространства не китайцами в речи и в общении с носителями китайского языка допустимо только после тщательного изучения всех основных дифференциальных признаков референта прецедентного имени, источников происхождения имени и установления действительного инварианта восприятия прецедентного имени в китайском лингвокультурном сообществе. Недопустимо использование прецедентного имени другой страны со сложной структурой стоящего за ним представления для презентации каких-либо основополагающих идей широким кругам общественности.

Необходимо учитывать ещё один немаловажный источник прецедентных имен – искусство. Так, прецедентными именами в китайскоязычном культурном пространстве являются названия произведений живописи, архитектуры, музыки, театра (в нашей классификации обозначаемые как 物质/精神文化专名 wuzhi/jingshen wenhua zhuanming ‘ПИ-хремотонимы/ПИ-идеонимы’), хотя некоторые из этих наименований объектов материальной и духовной культуры могут быть представлены и именами-антропонимами [典型人物 dianxing renwu ‘прецедентный антропоним’] и именами-эвентонимами [典故 diangu ‘наименование прецедентной ситуации – прецедентный эвентоним’]), например: наименование оперы «Лян Шаньбо и Чжу Интай» (梁山伯与祝英台 Liang Shanbo yu Zhu Yingtai), название оперы «Белая змейка» (白蛇传 Bai she zhuan), название знаменитой живописной панорамы, созданной в [XII веке](#) при дворе династии [Сун](#) «По реке в день поминовения усопших» (清明上河图 Qingming shanghe tu), название картины знаменитого художника Сюй Бэйхуна (徐悲鸿 Xu Beihong) «Несущаяся лошадь» (奔马 Ben ma), название мелодии для настольных гуслей чжэн «Лунной ночью цветы у весенней реки» (春江花月夜 Chun jiang hua yue ye), название мелодии для люэнь *пина* «Засада с десяти сторон» (十面埋伏 Shi mian maifu), название императорского дворца Гугун (故宫 Gugong), название архитектурного сооружения Великая китайская стена (长城 Chang cheng), название культового сооружения храм Неба (天坛 Tian tan), название инженерного сооружения Эйфелева башня (艾菲尔铁塔 Aifeier tie ta), название архитектурного сооружения Собор Парижской Богоматери (巴黎圣母院 Bali Sheng mu yuan), название памятника Статуя Свободы (自由女神像 Ziyou nü shen xiang) и т.п. Как справедливо замечает А.В. Суперанская: «в разных странах и культурах могут ономастизироваться самые разные предметы: мечи, пушки, барабаны, колокола, машины и т.д.» [Суперанская 2002: 15].

Наличие в китайскоязычном культурном пространстве большого количества прецедентных имен, имеющих большой возраст и высокую степень известности, можно объяснить популярностью в Китае театрального искусства. В труде В.М. Алексеева, посвящённом отображению в народных картинках китайского театра, последний определяется как кристаллизованный сплав всех сущностных характеристик народной культуры Китая – синкретической религии, народных обрядов, социально-этических норм и исторической традиции.

Называя Китай «страной театра», Алексеев писал: «Вряд ли найдётся на свете другая страна, где любовь к театральному действию так органически пропитывала бы всю жизнь народа. Китайцы, бесспорно, самый театральный народ! Тот, кто побывал в Китае, подтвердит, что оперные арии своим совершенно исключительным распространением ничуть не уступают народной песне. Все видели, все знают, все напевают. Грязный, в лохмотьях нищий, распеваящий арию Чжугэ Ляна из оперы «Хитрость с пустой

крепостью» и тут же на улице играющий его роль, – явление вполне обычное. Путешествуя в 1907 году по Китаю, я частенько слышал, как погонщики мулов, лодочники и торговцы напевали оперные арии. Это всегда потрясло меня» [цит. по Поршнева 1983: 77].

Я же должен подтвердить, что и через сто лет ничего в Китае в этом плане не изменилось. Будучи летом 2007 года в городе Таншань провинции Хэбэй, около 10 часов вечера, бродя по городу, я наблюдал следующую картину. На небольшой площадке перед вполне современным зданием банка собралось множество народу (человек 100-200), кто-то стоял, кто-то пришёл с пластмассовыми табуретами, низенькими стульчиками. В центре, на крыльце банка, расположился своего рода оркестр, который состоял из 4-5 человек, кто-то играл на хуцине (китайская скрипка), гонге, кто-то на барабане. По очереди к микрофону подходили простые бабушки, дедушки, вполне молодые женщины и мужчины и пели арии из традиционной китайской оперы. Были среди исполнителей свои фавориты, которых вызывали на бис, но главное, что это были действительно простые люди, городские обыватели. Естественно, я был потрясён не меньше В.М. Алексеева.

Своеобразие социальной роли театра в Китае обусловило и традиционное отношение к нему не только как к «жадной забаве», но как к подлинному «параду культуры». Существенно, что большую часть репертуара всегда составляли исторические народные предания, легенды, мифы, переложённые в различные драматические жанры и положённые на музыку, благодаря чему «китайский театр учит неграмотных истории и литературе» [цит. по Рифтин 1983: 68-74].

Такие героические эпопеи, как «Троецарствие», «Речные заводи», и драмы, представляющие собой великолепные парафразы этих эпопей, – «все они созданы народным преданием и легендой и потому с полной открытостью высказывают народные идеалы. Китайский театр создан народом, в чью фантазию улеглись долгие культурные века, и его специфичность закономерна, ибо она – зрелость столетий», – писал В.М. Алексеев. Относительно популярности театрального искусства в Китае В.М. Алексеев также писал, что «простой китаец может не слышать весь текст либретто, но содержание его он всегда знает. Весь театр рассчитан на знатока, всё заучено, всё хорошо известно всякому. Я не раз видел, как актёру, который ошибался в чём-то, зрители показывали кулаки» [Алексеев 1972: 102].

Прецедентные имена из кинематографа и мультипликации также всегда занимают особое место как феномен языка и культуры. В Китае с 50-х годов XX столетия начинается уникальный период развития кино: оно входит в жизнь, запечатлевается в ней, прежде всего в языке. Общеизвестность прецедентных имен из кинематографа очень велика. Долгая история кинематографа не могла не отразиться на состоянии фонда прецедентных имен китайскоязычного культурного пространства. Данная группа имен постоянно пополняется. Среди этих прецедентных имен и собственно сами

названия известных в Китае кинолент. Например, интересно отметить, что в китайскоязычном культурном пространстве до сих пор прецедентными являются названия советских фильмов «Ленин в октябре» (《列宁在十月》 «Liening zai shiyue»), «Ленин в 18 году» (《列宁在1918》 «Liening zai 1918»), «Служебный роман» (《办公室的故事》 «Bangongshi de gushi»), название классического китайского фильма «Красный гаолян» (《红高粱》 «Hong gaoliang»), названия современных американских фильмов «Человек-паук» (《蜘蛛人》 «Zhizhu ren»), «Человек-летучая мышь» (《蝙蝠侠》 «Bianfu xia»), названия современных китайских фильмов «Красные фонари высоко висят» (《大红灯笼高高挂》 «Da hong denglong gao gao gua»), «Шаолинский монастырь» (《少林寺》 «Shaolin si»). ПИ (ПИ₁, ПИ₄) являются имена мультипликационных персонажей и названия мультипликационных фильмов: Сань Мао (三毛 San Mao), Хулува (葫芦娃 Hulu wa), Жэньшэнь вава (人參娃娃 Renshen wawa), Чёрный кот-начальник полиции (黑猫警长 Hei mao jing zhang), Том и Джерри (Tom and Jerry) (猫和老鼠 Mao he laoshu).

Проверенные временем имена активно эксплуатируются в дискурсе, и их известность только возрастает. В последнее время в Китае, как и в других странах, производятся телевизионные сериалы, мультипликационные фильмы, главными героями которых являются референты прецедентных имен, например, сериал о Бао-гуне под названием 少年包青天 Shaonian Bao Qing tian 'Юность неподкупного судьи Бао' (историческая личность, персонаж множества пьес, инвариант восприятия – «честный чиновник»), многосерийный мультфильм о Чжу Бацзе (персонаж классического романа «Путешествие на Запад») и др.

Например, доказательством высокой прецедентности прецедентных персонажей (имен) Ли Куй, Линь Чун, Лу Чжишэнь, У Сун, а также прецедентных ситуаций, представляемых в дискурсе словесными клише (именами-эвентонимами) 三打祝家庄 san da Zhujiazhuang 'Три атаки на Чжуцзячжуан' и 智取生辰纲 Zhiqu shengchen gang 'Хитрая победа' из романа «Речные заводи», полагаем, является также публикация серий адаптированных книг для подростков, посвящённых отдельно каждому из этих прецедентных феноменов [Shi 1982₁, 1982₂, 1982₃, 1982₄, 1982₅, 1982₆]. Рассказы из «Исторических записок» Сыма Цяня также представлены в современном виде [Sima 2002].

Как сообщается в энциклопедии «Духовная культура Китая», «роман «Путешествие на Запад» от первой до последней главы издан в виде комиксов, предназначенных для широкого круга читателей, в т.ч. и малограмотных. Роман оказал большое влияние на театр и кино. По нему осуществлены многочисленные театральные постановки (Пекинская опера). Мультфильмы, созданные на основе разных эпизодов «Путешествия на Запад», участвовали в международных кинофестивалях и занимали призовые места» [Никольская 2008: 398-399].

Корпус прецедентных имен непостоянен: изменение общественных отношений, социальных условий, переориентация моральных ценностей, исчезновение каких-либо понятий и возникновение новых обуславливают подвижность состава прецедентных имен. Одни имена устаревают и выпадают из употребления, другие обрастают дополнительными значениями, рождаются новые прецедентные имена. С течением времени меняются и источники пополнения фонда прецедентных имен, и сам характер их функционирования. Нельзя не заметить всё возрастающую роль СМИ в процессе зарождения и функционирования прецедентных имен. Если раньше для рождения прецедентного имени требовались долгие годы, то во второй половине XX – начале XXI века, благодаря СМИ и аудио-видеотехнике, этот процесс завершается гораздо быстрее.

Сегодня, с возросшей популярностью телевидения и Интернета, прецедентными становятся также названия масштабных телевизионных проектов, фильмов, заглавия книг, имена политиков и общественных деятелей. Например, популярная сейчас во всем мире книга «*Гарри Поттер*» в Китае также очень популярна, и имя *Гарри Поттер* (哈利·波特) стало прецедентным именем и как имя персонажа (имя-антропоним) и как название книги (имя-идеоним). Подтверждением этому, например, может также служить наличие в китайскоязычном Интернете 1, 240, 000 статей об этом персонаже и книге только на одном китайском поисковом сайте www.baidu.com.

Однако для китайскоязычного культурного пространства замечательным является существование большого блока прецедентных имён, которые вышли из древней традиционной культуры и благодаря сохранению традиционных видов искусства и особенностям китайского языка активно функционируют и сегодня.

О Разделе II.

Как известно, наиболее частотной группой прецедентных имён являются прецедентные антропонимы (имена людей). Роль личности в истории развития человечества трудно переоценить. В современном же мире, когда стираются национальные и даже этнические границы, все более востребованными становятся исторические прецеденты и личности, мифологические персонажи, обращение к которым активизирует историческую память определённого этноса и аккумулирует его жизненные силы в период рисков потерять свою самоидентификацию.

В Китае в настоящее время издаётся множество изданий, в которых систематично собрана информация о выдающихся личностях истории Китая, начиная с мифологических персонажей и заканчивая современными учёными. Все описываемые в них имена (персонажи) мы относим к прецедентным именам (персонажам). Часть этих изданий близка по своему строению к словарям, часть – к сборникам статей, но объединяет их то, что многие из статей о выдающихся личностях представлены заголовками, которые

являются, по сути, прецедентными наименованиями, эпитетами, дескрипциями, актуализирующими соответствующие прецедентные имена.

Раздел II представляет собой оглавление сборника «Люди истории» Хэ Юэцина [He 2007], которое содержит 121 имя выдающихся личностей китайской истории. Сборник построен по тематическому принципу и состоит из 8 разделов. Примечательно, что каждая личность в оглавлении этого словаря представлена дескрипцией, краткой характеристикой в форме эпитета, которая часто выражена фразеологической единицей или словесным клише. Эти дескрипции, полагаем, следует рассматривать как инварианты восприятия данной личности в китайском лингвокультурном сообществе.

Интересно отметить, что по многим прецедентным именам из данного сборника, удалось обнаружить доказательства закреплённости указанных в сборнике дескрипций и в других источниках. Например, дефиниция прецедентного имени *Лэй Фэн*, представленная в данном сборнике **全心全意为人民服务 —— 雷锋 quan xin quan yi wei renmin fuwu – Lei Feng**
Всемирным сердцем и всеми помыслами служивший народу – Лэй Фэн (1940 – 1962 гг.)

полностью совпадает с дефиницией этого имени в словаре [Chen 1999: 126], а также совпадает с частью этой дефиниции – словесным клише *为人民服务 wei renmin fuwu* ‘служить народу’, которое нанесено вместе с изображением *Лэй Фэна* на пепельницу и зажигалку, которые были приобретены в Пекине в 2008 году.

Дефиниция ПИ *Ху Сюэянь* из данного сборника **红顶商人——胡雪岩 hong ding shangren – Hu Xueyan**
Купец-чиновник – Ху Сюэянь (1823 – 1885 гг.)

также полностью совпадает с названием романа, посвященного этой исторической личности [Gao 1992].

В связи с этим, необходимо отметить один важный вывод, который был сделан в процессе изучения прецедентных имен.

Полагаем, что прецедентные имена (ПИ) китайскоязычного культурного пространства, да и любого культурного пространства, в функционально-семантическом плане по преимущественному использованию в дискурсе целесообразно подразделять на ПИ-дескрипции (прецедентные имена, которые преимущественно используются в дискурсе интенционально, то есть для характеристики людей, ситуаций, явлений, предметов) и на ПИ-референции (прецедентные имена, которые в дискурсе преимущественно используются референтно, то есть для указания на свой референт).

Общим же для всех ПИ является способность выступать в качестве культурного знака, то есть актуализировать энциклопедическую информацию о каких-либо широко известных исторических или вымышленных событиях, персонажах, объектах материальной и духовной культуры Китая, вызывать у членов китайского лингвокультурного сообщества определённые эмоции, мысли, ассоциации.

ПИ-описания обладают инвариантами восприятия, которые зафиксированы в китайскоязычном культурном пространстве в виде устойчивых словесных клише или, если имя уже стало нарицательным, – определёнными конкретными словами. ПИ-описания часто связаны с большим количеством фразеологизмов разных типов (чэньюй, сехоуэй, гуаньюньюй) или являются таковыми и известны большинству социализированных членов лингвокультурного сообщества. ПИ-описания регулярно используются для характеристики других людей или ситуаций, явлений, предметов в современном китайскоязычном дискурсе.

ПИ-референции обладают инвариантами восприятия, которые в сознании членов лингвокультурного сообщества представлены блоком основной информации энциклопедического характера, фактами из жизни референта данного ПИ, благодаря которым его имя и стало широко известным. Другими словами, для данного имени в лингвокультурном сообществе ещё не выделился однозначный инвариант восприятия, как у ПИ-описаний. Поэтому при упоминании данного имени адресат в первую очередь осознаёт его только в связи с референтом и лишь в особых случаях, опираясь на контекст, указывающий на конкретный дифференциальный признак или прецедентную ситуацию из жизни референта ПИ, ПИ-референция может быть воспринята как ПИ-описание.

Арсенал прецедентных имён-описаний стабилен и достаточно ограничен, фактически закрыт и пополняется медленно, тогда как арсенал ПИ-референций подвижен, склонен к быстрому обновлению, отражает современные ценности через имена современных кумиров и связанных с ними ситуаций.

Если говорить о прецедентных именах, которые являются именами исторических личностей, топонимами, именами персонажей произведений разных видов искусств и наименованиями других важных объектов и прецедентных ситуаций китайского культурного пространства, то их общенациональные инварианты восприятия обычно представлены статьями в энциклопедических словарях. Однако в обществе, в сознании китайцев эти инварианты восприятия существуют в виде так называемых национально детерминированных минимизированных представлений (НДМП) (термин Д.Б. Гудкова) об этих референтах прецедентных имён. Причём такие НДМП о ПИ-описаниях сложились в определённые фиксированные словесные клише или фразеологизмы, которые сформировали в сознании членов китайского лингвокультурного сообщества чётко ограниченное количество значений данных имен, что и позволяет данным прецедентным именам регулярно употребляться для характеристики.

НДМП о ПИ-референциях обычно соответствуют словам, с которых начинаются статьи, посвящённые референтам ПИ в энциклопедиях или в кратких информационных сообщениях средств массовой информации. Если же данные ПИ-референции обладают высокой степенью известности в лингвокультурном сообществе, то НДМП могут быть представлены также устойчивыми словосочетаниями и словесными клише.

Имена, представленные в Разделе II, в основном являются прецедентными именами-референциями, тогда как имена Раздела I в основном являются прецедентными именами-дескрипциями.

Здесь хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что наш подход к пониманию прецедентного имени (ПИ) несколько отличается от подхода других исследователей. Мы не разделяем функционирование ПИ на функционирование в качестве имени собственного как такового и в качестве прецедентного имени собственного. Полагаем, что ПИ всегда остаётся именем собственным и в то же время реализует свой прецедентный потенциал. Это означает, что инвариант восприятия, закрепившийся за этим именем в лингвокультурном сообществе, так или иначе будет влиять на восприятие данного имени при любом его употреблении в дискурсе, то есть и при использовании данного имени для обозначения первичного носителя (референта) имени и при использовании данного имени для характеристики как стилистического средства.

Прецедентное имя в любом употреблении является культурным знаком, нагруженным коннотациями, дифференциальными признаками референта, то есть всей информацией, которая актуализируется в памяти и сознании члена лингвокультурного сообщества при упоминании данного широко известного индивидуального имени.

Приведём пример фрагмента текста с использованием следующих ПИ разных типов:

- (1) ПИ₄ 天下 *tianxia* ‘мир; поднебесная; Китай; вся страна’. В примере в составе словесного клише 天下第一州 *tianxia di yi zhou* ‘первая область [из девяти областей] Древнего Китая’ данное ПИ также явно актуализирует ПИ₄ 九州 *jiu zhou* ‘1. девять областей древнего Китая [первоначально в мифологии – 9 островов, образовавшихся после всеобщего потопа] 2. весь Китай’
- (2) ПИ₁ 刘备 Лю Бэй
- (3) ПИ₁ 张飞 Чжан Фэй
- (4) ПИ₁ 赵匡胤 Чжао Куаньинь
- (5) ПИ₄ 燕 *Yan* [княжество] Янь (было расположено на территории нынешней северной части провинции Хэбэй и южной части провинции Ляонин)
- (6) ПИ₄ 赵 *Zhao* [княжество] Чжао (было расположено на территории нынешней северной части провинции Хэбэй и западной части провинции Шаньси).

荣安公司坐落于北京南六十公里，素有“天下第一州”之称的涿州，涿州古城历史悠久、人杰地灵、名人辈出，尤以刘备、张飞、赵匡胤的故里而闻名。

今天的荣安公司，以自身的实力和信念，迅速成为中国保温建材领域里的一面旗帜，并阔步走向国际化。未来的日子里，荣安人将以燕赵英豪独有

的气魄，继续以真诚实干的崇高风尚和热情创新的进取精神，不断向前，一如既往地执著于打造世界品牌企业，为促进社会发展、振兴民族工业而再创辉煌明天！

Rong'an gongsi zuoluo yu Beijing nan liushi gongli, su you «tianxia di yi zhou» zhi cheng de Zhuozhou, Zhuozhou gu cheng lishi youjiu, ren jie di ling, mingren beichu, you yi Liu Bei, Zhang Fei, Zhao Kuangyin de guli er wenming.

Jintian de Rong'an gongsi, yi zishen de shili he xinnian, xunsu chengwei Zhongguo baowen jiancai lingyu li de yi mian qizhi, bing kuobu zou xiang guojihua. Weilai de rizi li, Rong'an ren jiang yi Yan Zhao yinghao duyong de qipo, jixu yi zhencheng shigan de chonggao fengshang he reqing chuangxin de jinqu jingshen, buduan xiang qian, yi ri ji wang de zhizhuo yu dazao shijie pinpai qiye, wei cujin shehui fazhan, zhenxing minzu gongye er zai chuang huihuang mingtian!

‘Компания «Жун’ань» расположена в 60-ти километрах к югу от Пекина в городе Чжочжоу, который в Китае называют «Первой областью [из девяти областей – Н.В.] Древнего Китая». Город Чжочжоу является старинным городом с долгой и богатой на события историей. Здесь, что называется, люди герои – земля знаменита. Замечательные люди в этих краях появляются из поколения в поколение. Особенно славится эта земля тем, что здесь родились [прославленный император – Н.В.] Лю Бэй [основатель царства Шу-Хань в период Троецарствия – Н.В.], [бравый полководец и воин времён Троецарствия, популярный герой классических романов – Н.В.] Чжан Фэй и [император – Н.В.] Чжао Куаньинь [основатель династии Сун – Н.В.].

Сегодняшняя компания «Жун’ань» благодаря своей реальной мощи и неизменному кредо стремительно превратилась в знамя индустрии теплоизоляционных стройматериалов Китая и гигантскими шагами идёт к интернационализации своей деятельности. В ближайшие годы наши люди из компании «Жун’ань» с размахом и масштабностью достойной героев этой древней земли [княжества – Н.В.] Янь и [княжества – Н.В.] Чжао продолжат работать честно и деловито. В соответствии с благородными традициями они будут с энтузиазмом выступать с новыми идеями, прокладывать новые пути и, устремляясь вперёд, последовательно и настойчиво строить предприятие с мировым брендом. Ради светлого будущего мы и дальше будем стимулировать развитие общества и подъём национальной промышленности!’ [Rong'an gongsi jianjie 2010: 2].

Как видно из примера, все прецедентные имена в данном фрагменте текста употребляются как референции, то есть для указания на свои референты. Тем не менее, эффект характеристики возникает и здесь. Посредством упоминания ПИ авторы текста характеризуют свой родной край и находящуюся здесь компанию. Здесь идёт апелляция к героям древности, и посредством разнообразных лексических средств фактически происходит

косвенная характеристика современных сотрудников и деятельности компании с помощью ПИ.

Для более эффективной работы с данными Раздела I и особенно Раздела II предлагаем использовать разработку, которая называется *Лингвокогнитивная директория прецедентного имени*. Для работы можно использовать Интернет и прочие источники, вводить соответствующие имена в поисковые системы и находить информацию об интересующем персонаже, заполняя директорию прецедентного имени (схема директории приведена ниже). Для поиска информации на китайском языке можно использовать поисковый китайский сайт <http://www.baidu.com> и другие ресурсы. Многим прецедентным персонажам посвящены кинофильмы, телесериалы, мультфильмы, оперы и прочие фреймовые произведения, которые находятся в открытом доступе. Также о большинстве прецедентных персонажей доступна информация и на русском языке. Для поиска информации на русском языке на соответствующих сайтах можно вводить имена, как на русском языке, так и имена, записанные транскрипцией ханьюй пиньинь, и даже иероглифами.

Коротко о лингвокогнитивной директории прецедентного имени.

За любым прецедентным именем (ПИ) всегда стоит комплекс когнитивных структур, как лингвистических, так и экстралингвистических. Естественно, что в силу огромных различий между прототипами ПИ, сами ПИ в китайскоязычном культурном пространстве обладают совершенно разными системами дифференциальных признаков. Чтобы более чётко выявить суть того или иного прецедентного имени мы вводим понятие лингвокогнитивной директории. Лингвокогнитивная директория ПИ – это «информационная папка», содержащая основные широко известные вербальные и невербальные манифестации, которые актуализируют данное ПИ в дискурсе.

Знания и представления о ПИ определённым образом структурированы, они хранятся в сознании в виде фреймов. Если понятие *фрейм* в нашем понимании соотносимо с более абстрактными структурами хранения знаний о ПИ в сознании, то лингвокогнитивная директория ПИ – это попытка представить основные конкретные языковые (вербальные) и неязыковые (поддающиеся вербализации) единицы, которые связаны с данным ПИ и широко известны в лингвокультурном сообществе.

Приведённые в директориях дискурсивные актуализаторы – это разного рода информация (единицы языка разного рода) о языковой и неязыковой деятельности членов лингвокультурного сообщества, посредством которой в дискурсе осуществляется апелляция к референту данного ПИ и стоящему за ПИ представлению. В китайскоязычном культурном пространстве большинство ПИ поддерживаются в дискурсе фразеологизмами разных типов, словесными клише и другими единицами языка, которые актуализируют прецедентные ситуации, тексты, высказывания и другие имена. Овладение такими единицами языка позволяет повысить эффективность получения разносторонних знаний об истории,

культуре, литературе Китая. Очевидно, что информация о референтах ПИ, стабильно зафиксированная в виде единиц языка, является наиболее важной из всех сведений, которые так или иначе связаны с референтом ПИ. Поэтому считаем, что овладение данными единицами языка и связанной с ними информацией является первостепенной задачей-минимум для современного китаиста. Таким образом, необходимо отметить, что линвокогнитивные директории в первую очередь следует заполнять единицами, которые обладают стабильной формой в языке, фиксируются в литературе и словарях и активно используются в языковой коммуникации членами китайского линвокультурного сообщества. Следовательно, директории должны быть ограничены по своему объёму. Только при таком подходе директории смогут стать эффективным инструментом определения когнитивных приоритетов при изучении Китая. Но в то же время линвокогнитивная директория является открытой системой и всегда может быть пополнена новыми дискурсивными актуализаторами, новой информацией о референте ПИ и об использовании ПИ в дискурсе.

Представляем типовую структуру линвокогнитивной директории прецедентного имени китайскоязычного дискурса (КД):

- **Референт₁ ПИ**

- **Референт₂ ПИ**

(полагаем, что два референта следует выделять в случаях, когда референтом ПИ является историческая личность (событие), и эта историческая личность (событие) использована в прецедентном художественном литературном тексте как важный персонаж (эпизод) и наделена в тексте дифференциальными признаками, которыми референт-историческая личность (событие) не обладал (например: Цао Цао как реальная историческая личность (Референт₁) и Цао Цао как персонаж романа «Троецарствие» (Референт₂))

- **Атрибуты референта ПИ**

- **Дифференциальные признаки референта ПИ**

- **Национальный инвариант восприятия референта ПИ**

- **Национальный инвариант восприятия ПИ, используемый для характеристики людей, явлений, предметов**

- **Варианты ПИ**

- **Дискурсивные актуализаторы ПИ**

(прецедентные высказывания, имена; экспликации инвариантов восприятия ПИ и их референтов в различных словарях; вербализации ПС [рассказы, новеллы, романы, пьесы, диалоги, монологи, статьи и проч.]; визуализации ПТ-источника ПИ и ПС [кинофильмы, мультфильмы, телесериалы, театральные представления]; материализации образа референта ПИ

[картины, памятники, сувениры, актёры, двойники):

- ▶ **Цитаты из прозы (ПВ₂)**
- ▶ **Цитаты из поэзии (ПВ₂)**
- ▶ **Фразеологизмы [типа чэньюй, сехоуэй, гуаньюньюй] (ПИ₂/ПВ₁)**
- ▶ **Словесные клише (ПИ₂/ПВ₁)**
- ▶ **Наименование прецедентного [текста-]источника (ПИ₄)**
- ▶ **Имена других основных сопутствующих прецедентных персонажей/событий/предметов (ПИ₁/ПИ₂/ПИ₃/ПИ₄)**
- ▶ **Фреймовые произведения:**
 - Фреймовые произведения литературы (посвящённые референту ПИ книги);
 - Фреймовые научные работы (статьи, исследования, доклады, посвящённые референту ПИ);
 - Фреймовые кинофильмы, мультипликационные фильмы, телевизионные сериалы, театральные представления, исторические реконструкции (посвящённые референту ПИ);
 - Памятники, музеи, сувениры, места религиозных отправлений (посвящённые референту ПИ);
 - Двойники, использующие атрибуты или дифференциальные признаки референта ПИ₁ для воссоздания его образа;
 - Информационные сообщения (вербализации) прецедентных ситуаций, связанных с референтом ПИ (распространяемые в любой форме и на любых носителях: газеты, журналы, интернет, телевидение, радио, лекции и проч.).

Полагаем, что количество и виды дискурсивных актуализаторов по каждому ПИ различны в разные периоды развития общества. В зависимости от того, насколько то или иное ПИ актуально для общества, арсенал дискурсивных актуализаторов увеличивается или сокращается и становится более или менее разнообразным. В частности, одни ПИ обретают способность регулярно употребляться в дискурсе как ПИ-дескрипции, другие преимущественно используются как ПИ-референции.

Поэтому можно сделать вывод, что все ПИ отличаются друг от друга стоящими за ними когнитивными структурами и особенностями функционирования в дискурсе.

О Разделе III.

В Разделе III представлены универсально-прецедентные имена и высказывания иностранного происхождения, избранные информантом-носителем китайского языка из «Малого словаря прецедентных феноменов

зарубежных стран» под редакцией Линь Шуу в ходе специального опроса, в качестве самых известных прецедентных феноменов.

Необходимо отметить, что интерес представляют также прецедентные имена (ПИ) китайскоязычного культурного пространства, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов» (фольклорных и авторских). Фонд ПИ любого языка складывается из национальных феноменов, возникших и употребительных только в данном языке и культурном пространстве, и иноязычных феноменов, пришедших из других языков и культурных пространств других стран. Анализ «Малого словаря дянью (классических прецедентов) зарубежных стран» [Lin 2004] показал, что большинство универсально-прецедентных имён в КД являются ПИ из древнегреческой мифологии (阿波罗 Aboluo *Аполлон*, 俄底修斯 Edixiusi [奥德赛 Aodesai] *Одиссей*, 珀涅罗珀 Ponieluopo *Пенелопа*), религиозного дискурса христианства (方舟 fangzhou [挪亚方舟 Nuoya fangzhou] *Ноев ковчег*, 抹大拉的玛利亚 Modala de Maliya *Мария Магдалина*, 十字架 Shizijia *‘Крест’*, 犹大 Youda *Иуда*, 十字军东征 Shizi jun dong zheng [十字军东侵 Shizi jun dong qin] *‘Крестовый поход’*) и культурного пространства англоязычного мира (鲁宾孙 Lubinsun *Робинзон*, 名利场 Ming li chang *‘Ярмарка Тщеславия’*, 爱丽丝漫游奇境 Ailisi manyou qijing *‘Алиса в стране чудес’*, 百老汇大街 Bailaohui dajie *‘Бродвей’*, 迪斯尼游乐园 Disini youle yuan *‘Диснейленд’*, 哈姆莱特 Hamulaite *Гамлет*, 好莱坞 Haolaiwu *‘Голливуд’*, 华尔街 Huaer jie *‘Уоллстрит’*, 罗密欧与朱丽叶 Luomiou yu Zhuliye *Ромео и Джульетта*). Лишь небольшая часть ПИ родом из культурных пространств других стран и регионов (普柳什金 Puliushijin *Плюшкин*, 唐吉诃德 Tang Jihede [堂吉诃德 Tang Jihede, 吉诃德 Jihede] *Дон Кихот*, 卡冈都亚 Kagangduya *Гаргантюа*, 加西莫多 Jiaximoduo *Квазимодо*, 浮士德 Fushide *Фауст*, 好兵帅克 hao bing Shuaike *Бравый солдат Швейк*, 破木盆 po mupen *‘разбитое корыто’*, 套中人 Tao zhong ren *‘человек в футляре’*, 变色龙 Bianselong *‘Хамелеон’*, 维特 Weite *Вертер*, 阿拉丁 Alading *Аладдин*, 唐璜 Tang Huang *Дон Жуан*).

Все ПИ, представленные в словаре, способны использоваться для характеристики, и это показывает характерную особенность ПИ, которая заключается в том, что при переходе в культурное пространство другой страны ПИ часто обретают символическое и более узкое значение. Например, ПИ 浮士德 Fushide *Фауст* в КД по данным словаря [Lin 2004] имеет следующий инвариант восприятия: 永不满足的追求者 yong bu manzu de zhuiqiuzhe *‘вечно неудовлётворённый, недовольный человек’*, а ПИ 哈姆莱特 Hamulaite *Гамлет* (герой одноимённой трагедии Шекспира) – 遇事犹豫不决、顾虑重重的人 yu shi youyu bu jue, gu lu chongchong de ren *‘человек, который при необходимости принятия решения нерешителен, долго колеблется, медлит, его обуревают многочисленные сомнения и опасения’*.

Словари подобного рода, видимо, следует рассматривать как инструмент обогащения китайскоязычного культурного пространства и речи членов китайского лингвокультурного пространства новыми универсально-прецедентными именами. Дело в том, что большинство ПИ, представленных в данном словаре всё-таки обладают очень низкой известностью и употребляются в китайскоязычном культурном пространстве крайне редко. Подобные же словари, видимо, призваны расширять арсенал универсально-прецедентных имён китайскоязычного культурного пространства, выполняя тем самым функцию интеграции Китая в глобальное цивилизационное пространство. Ярким образцом таких тенденций является также словарь 《国 人必知的 2300 个外国名人》 “Guoren bi zhi de 2300 ge waiguo mingren” «2300 знаменитых иностранцев, которых должны знать люди нашей страны» [Zhou 2009]. Данный словарь является больше энциклопедией и представляет инварианты восприятия ПИ в виде небольших блоков информации биографического характера о каждой выдающейся личности объёмом чуть более 100 иероглифов.

Словарь же [Lin 2004] наряду с энциклопедической информацией представляет инварианты восприятия ПИ, рассматривая эти имена уже как имена-символы, как имена нарицательные. Однако, ПИ в данном словаре даются с уже устоявшимися инвариантами восприятия этих ПИ в странах-источниках этих имён, или в странах, откуда китайские лексикографы заимствовали соответствующие материалы. Это подтверждают также примеры употребления ПИ, которые все являются заимствованными из зарубежных источников или смоделированными авторами словаря. Таким образом, инварианты восприятия некоторых ПИ в данном словаре для, например, нас, членов русского лингвокультурного сообщества, кажутся непривычными и странными. Дело в том, что многие из этих ПИ в русском культурном пространстве появились намного раньше и в их семантике уже произошли сдвиги.

Используя корпус словаря [Lin 2004], также была предпринята попытка выделить базовый блок наиболее известных в китайскоязычном культурном пространстве универсально-прецедентных имён путём опроса информанта-носителя китайского языка. Избрание ПИ информантом осуществлялось следующим образом. Мы устно называли ПИ. Информант сообщала, знакомо ей это ПИ или нет. Если ПИ оказывалось знакомым, информант кратко в устной форме излагала известную ей фоновую информацию, связанную с данным знакомым ПИ (название текста-источника, содержание прецедентной ситуации, инвариант восприятия в китайскоязычном дискурсе и проч.). В результате данного опроса информант из 1000 единиц описания словаря опознала со знанием фоновой информации 196 единиц. В случаях, когда ПИ было информанту знакомо, но фоновой информацией о нём информант не владел, такое ПИ мы не включали в число опознанных. Опрос производился на китайском языке. Таким образом, была выделена группа ПИ китайскоязычного культурного пространства, возникших на основе

иностранных ПФ и являющихся результатом межкультурного диалога. 150 из избранных ПИ мы предлагаем принять за базовый арсенал универсально-прецедентных имён китайскоязычного культурного пространства.

Интересно, что эти ПИ в словаре [Lin 2004] в основном сопровождаются инвариантами восприятия, которые в большинстве случаев полностью или частично совпадают с инвариантами восприятия данных ПИ в общемировом вообще или русскоязычным дискурсе в частности. Эти данные позволяют сделать вывод, что представленные в словаре ПИ заимствуются китайским культурным пространством наряду с произведениями-источниками данных ПИ в том числе, а в некоторых случаях только посредством зарубежной лексикографической литературы, где, как мы уже сказали выше, даются уже закреплённые инварианты восприятия ПИ в лингвокультурном сообществе-источнике ПИ.

Стоит отметить, что если национально-прецедентные имена китайскоязычного культурного пространства (Раздел I и Раздел II) в процессе межкультурной коммуникации зачастую становятся барьером для взаимопонимания, то универсально-прецедентные имена и высказывания (Раздел III), напротив, могут играть роль объединения разноязычных коммуникантов.

Москва, 2014 год

Литература

1. Алексеев 1972 – Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1972.
2. Англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа-II». Под ред. доктора филологических наук, профессора Г.В. Чернова. © М.В. Васянин, О.Н. Гришина, И.В. Зубанова, А.Н. Натаров, Е.Б. Санникова, О.А. Тарханова, Г.В. Чернов, С.Г. Чернов; 2005. Более 21 тыс. статей.
3. Англо-русский словарь общей лексики. © АBBYU Software, 2006. 100 тыс. статей.
4. Большой англо-русский фразеологический словарь. © «Русский язык-Медиа», 2006, Кунин А.В. 20 тыс. фразеологических единиц.
5. Большой китайско-русский словарь в 4-х томах. Под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: «Наука», 1983. (БКРС).
6. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – СПб.: Норинт, 1998. – 1456 с. (в тексте сокращённо БЭС)
7. Васильева 2006 – Васильева Н.В. Антропонимы в ассоциативном словаре: к основам когнитивной ономотологии // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 11./ Под ред. В.А. Пищальниковой. – М., 2006. С. 65-70.
8. Великобритания. Лингвострановедческий словарь. © «Русский язык-Медиа», 2003, Адриан Р. У. Рум. 10 тыс. статей.

9. Воропаев 2012 – Воропаев Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2012.
10. Галеева 2006 – Галеева Н.Л. Текстовая решётка культуры как её сущностное основание // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 10. С. 59-69.
11. Гудков 1998 – Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1998. – Вып. 4. – 128 с.
12. Гудков 2000 – Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы её актуализации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 11. – 140 с.
13. Гудков 2003 – Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 288 с.
14. Гудков 2004 – Гудков Д.Б. Проблема изучения и описания русского культурного пространства // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. Ред.
15. Джанаева 2008 – Джанаева В.В. Лингвокогнитивные основы коммуникации: инокультурные прецедентные феномены: Дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2008.
16. Завьялова 2009 – Завьялова О.И. Китайское лингвистическое чудо // «Независимая газета», 28.01.2009.
17. Карасик 2003 – Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. ИЯ РАН. – М.: Азбуковник, 2003. С. 24 – 45.
18. Кондрашевский 2003 – Кондрашевский А.Ф. Практический учебный китайско-русский словарь. М.: «Муравей», 2003.
19. Котов 1990 – Котов А.В. Китайско-русский словарь-минимум. М.: «Русский язык», 1990.
20. Красных 1997 – Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 2. – 192 с.
21. Красных 2000 – Красных В.В. Лингво-когнитивный подход к коммуникации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – 148 с.
22. Красных 2003 – Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.
23. Красных 2005 – Красных В.В. Возможные пути решения некоторых актуальных проблем современной науки // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сборник статей/ Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. С. 116-124.

24. Меньшиков 1983 – Меньшиков Л.Н. В.М. Алексеев – историк китайской литературы // Традиционная культура Китая. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 32-39.
25. Никольская 2008 – Никольская С.В. «СИ Ю ЦЗИ» // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. Лит., 2006. – [Т. 3:] Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. – 2008. – С. 398-399.
26. Новый большой русско-английский словарь. © «Русский язык-Медиа», 2004, Ермолович Д.И., Красавина Т.М. 110 тыс. слов и словосочетаний.
27. Поршнева 1983 – Поршнева Е.Б. В.М. Алексеев о народной культуре Китая // Традиционная культура Китая. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 75-80.
28. Рифтин 1983 – Рифтин Б.Л. Китайская народная мифология в трудах В.М. Алексеева // Традиционная культура Китая. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 68-74.
29. Русско-английский словарь религиозной лексики. © «РУССО», 2002, Азаров А.А. 14 тыс. статей.
30. Слышкин 2007 – Слышкин Г.Г. Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале концепта «Талейран») // *Ethnohermeneutik und cognitive linguistic*. – Landau, 2007.
31. Смолин 1983 – Смолин Г.Я. В.М. Алексеев о китайском историописании // Традиционная культура Китая. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 92-99.
32. Суперанская 1978 – Суперанская А.В. Аппеллятив – онама // Имя нарицательное и собственное. – Издательство Наука, 1978. С. 5-33.
33. Суперанская 2002 – Суперанская А.В. Эволюция имени собственного в Европе // «Вопросы филологии» (научный журнал) № 3 (12) 2002. С. 5-17.
34. Суперанская 2002 – Суперанская А.В. Возвращаясь к общей теории имени собственного // Номинация. Предикация. Коммуникация. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С. 7-19.
35. Chen 1999 – Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. – 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. Zhongguo wenhuazhong de dianxing renwu yu shijian // Chen Xianchun bianzhu. – Beijing: Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1999 nian. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэнь Сяньчунь. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999)
36. Collins English Dictionary. 8th Edition first published in 2006 © HarperCollins Publishers 1979, 1986, 1991, 1994, 1998, 2000, 2003, 2005, 2006. 120,000 entries.

37. Gao 1992 – Gao Yang 红顶商人 —— 胡雪岩 // 高阳 著. 长春: 吉林文史出版社出版, 1992 年 Hongding shangren – Hu Xueyan // Gao Yang zhu. Changchun: Jilin wenshi chubanshe chuban, 1992 nian («Купец-чиновник – Ху Сюэянь». Гао Ян. Чанчунь, Издательство литературы и истории провинции Цзилинь, 1992)
38. Han'e cidian. Shanghai waiguoyu xueyuan “han'e cidian” bianxie zubian. Beijing: 1992. (Китайско-русский словарь. Составлен в Шанхайском институте иностранных языков. Пекин: 1992).
39. Han'e yili huibian: zhengzhi, xinwen yuhui. Beijing: 1976. (Сборник примеров перевода с китайского языка на русский: политическая лексика и лексика прессы. Пекин: 1976).
40. He 2007 – He Yueqing 历史上的那些人 // 何跃青. – 北京: 地震出版社, 2007 年. Lishishangde naxie ren // He Yueqing. – Beijing: Dizhen chubanshe, 2007 nian (Люди истории // Сост. Хэ Юэцин. – Пекин, 2007)
41. Lin 2004 – Lin Shuwu 外国典故小词典 // 林书武主编. – 上海: 上海辞书出版社, 2004 年. Waiguo diangu xiao cidian // Lin Shuwu zhubian. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2004 nian (Малый словарь зарубежных дянгу (классических прецедентов) // Под ред. Линь Шуу. – Шанхай, 2004)
42. Rong'an 2010 – Rong'an gongsi jianjie 涿州市荣安成套设备有限公司简介 2010 年 Zhuozhou shi Rong'an chengtao shebei youxian gongsi jianjie 2010 nian (рекламный проспект с краткой информацией об обществе с ограниченной ответственностью города Чжочжоу «Комплектное оборудование Жун'ань» 2010 год)
43. Shi 1982₁ – Shi Naian 李逵. 水浒故事选 (四) // 施耐庵 原著. 余鹤仙 节选. 上海: 少年儿童出版社, 1982 年 Li Kui. Shui hu gushi xuan (si) // Shi Naian yuanzhu. Yu Hexian jiejuan. Shanghai: Shaonian ertong chubanshe, 1982 nian (Ли Куй. Избранные эпизоды из романа «Речные заводы» (4) // Ши Найань. Адаптировано Юй Хэсянем. – Шанхай, 1982)
44. Shi 1982₂ – Shi Naian 林冲. 水浒故事选 (二) // 施耐庵 原著. 鲁兵 节选. 上海: 少年儿童出版社, 1982 年 Lin Chong. Shui hu gushi xuan (er) // Shi Naian yuanzhu. Lu Bing jiejuan. Shanghai: Shaonian ertong chubanshe, 1982 nian (Линь Чун. Избранные эпизоды из романа «Речные заводы» (2) // Ши Найань. Адаптировано Лу Бинем. – Шанхай, 1982)
45. Shi 1982₃ – Shi Naian 鲁智深. 水浒故事选 (一) // 施耐庵 原著. 鲁兵 节选. 上海: 少年儿童出版社, 1982 年 Lu Zhishen. Shui hu gushi xuan (yi) // Shi Naian yuanzhu. Lu Bing jiejuan. Shanghai: Shaonian ertong chubanshe, 1982 nian (Лу Чжишэнь. Избранные эпизоды из романа «Речные заводы» (1) // Ши Найань. Адаптировано Лу Бинем. – Шанхай, 1982)
46. Shi 1982₄ – Shi Naian 三打祝家庄. 水浒故事选 (六) // 施耐庵 原著. 余鹤仙 节选. 上海: 少年儿童出版社, 1982 年 San da Zhujiazhuang. Shui

- hu gushi xuan (liu) // Shi Naian yuanzhu. Yu Hexian jixuan. Shanghai: Shaonian ertong chubanshe, 1982 nian (Три атаки на Чжуцзячжуан. Избранные эпизоды из романа «Речные заводы» (6) // Ши Найань. Адаптировано Юй Хэсянем. – Шанхай, 1982)
47. Shi 1982₅ – Shi Naian 武松. 水浒故事选 (三) // 施耐庵 原著. 余鹤仙 节选. 上海: 少年儿童出版社, 1982 年 Wu Song. Shui hu gushi xuan (san) // Shi Naian yuanzhu. Yu Hexian jixuan. Shanghai: Shaonian ertong chubanshe, 1982 nian (У Сун. Избранные эпизоды из романа «Речные заводы» (3) // Ши Найань. Адаптировано Юй Хэсянем. – Шанхай, 1982)
48. Shi 1982₆ – Shi Naian 智取生辰纲. 水浒故事选 (五) // 施耐庵 原著. 余鹤仙 节选. 上海: 少年儿童出版社, 1982 年 Zhiqu shengchengang. Shui hu gushi xuan (wu) // Shi Naian yuanzhu. Yu Hexian jixuan. Shanghai: Shaonian ertong chubanshe, 1982 nian (Хитрая победа. Избранные эпизоды из романа «Речные заводы» (5) // Ши Найань. Адаптировано Юй Хэсянем. – Шанхай, 1982)
49. Sima 2002 – Sima Qian 《史记》故事 (上、下) // 司马迁原撰; 臧瀚之等 编写. – 北京: 京华出版社, 2002. «Shi ji» gushi (shang, xia) // Sima Qian yuanzhuan; Zang Hanzhi deng bianxie. – Beijing: Jinghua chubanshe, 2002. (Рассказы из «Исторических записок» (том 1, 2) // первоначально сочинил Сыма Цянь; составили Цзан Ханьчжи и др. – Пекин, 2002)
50. Waiguo diangu xiao cidian/Lin Shuwu zhubian. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2004 (Малый словарь прецедентных феноменов зарубежных стран/Под ред. Линь Шуу. – Шанхай, 2004).
51. Wang 1987 – Wang Dechun 修辞学词典 // 王德春 主编. – 浙江省: 浙江教育出版社, 1987 年. Xiucixue cidian // Wang Dechun zhubian. – Zhejiang sheng: Zhejiang jiaoyu chubanshe, 1987 nian. (Словарь по стилистике // Под ред. Ван Дэчуня. – провинция Чжэцзян, 1987)
52. 咬文嚼字 (合订本 2000). 上海: 上海文化出版社, 2000 年 Yao wen jiao zi (hedingben 2000). Shanghai: Shanghai wenhua chubanshe, 2000 nian. (журнал «Буквоед», сборник выпусков за 2000 год. – Шанхай, 2000)
53. Zhongguo xiehouyu daquan / Wen Duanzheng deng bianzhu. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2004. (Полное собрание китайских недоговорок-иносказаний / Сост. Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай: Шанхайское издательство лексикографической литературы).
54. Zhou, Shen 2009 – Zhou Xiaomeng, Shen Zhi 国人必知的 2300 个外国名人 // 周晓孟、沈智主编. – 沈阳: 万卷出版公司, 2009 年 Guoren bi zhi de 2300 ge waiguo mingren // Zhou Xiaomeng, Shen Zhi zhubian. – Shenyang, 2009 nian (2300 знаменитых иностранцев, которых должны знать люди нашей страны // Сост. Чжоу Сяомэн, Шэнь Чжи. – Шэньян, 2009)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКРС – Большой китайско-русский словарь

КД – китайскоязычный дискурс

НДМП – национально детерминированное минимизированное представление

ПВ – прецедентное высказывание

ПВ₁ – прецедентное высказывание, представляющее собой фразеологизм китайского языка любого типа, в основе которого лежат культурные, литературные и исторические сюжеты и который в дискурсе актуализирует прецедентные ситуации, имена и тексты

ПВ₂ – прецедентное высказывание, представляющее собой цитату из литературного произведения или из высказывания широко известного референта ПИ

ПИ – прецедентное имя

ПИ₁ – прецедентное имя-антропоним

ПИ₂ – прецедентное имя-эвентоним (имя-наименование исторических и вымышленных событий, представляющее собой фразеологизм или словесное клише)

ПИ₃ – прецедентное имя-хрематоним (также оним любого типа, индивидуальное наименование единичного объекта материальной культуры Китая)

ПИ₄ – прецедентное имя-идеоним (также оним любого типа, индивидуальное наименование единичного объекта духовной культуры Китая)

ПИ-дескрипция – прецедентное имя, которое в дискурсе способно преимущественно использоваться для характеристики других людей, явлений, предметов

ПИ-референция – прецедентное имя, которое в дискурсе преимущественно используется для указания на свой референт

ПС – прецедентная ситуация

ПТ – прецедентный текст

ПФ – прецедентный феномен

ПФЕ – прецедентная фразеологическая единица

ФЕ – фразеологическая единица